

ОЛЬГА ДОВГИЙ
Московский государственный университет
Российский государственный гуманитарный университет
Россия

«ЯБЕДА ВСЕПЛОДНА»: СИСТЕМА ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ЗЕРКАЛЕ САТИР А.Д. КАНТЕМИРА

„Universal Snitch”: Office Work through the Mirror of Antioch Cantemir’s Satire

The paper is a continuation of series of author's publications on Antioch Cantemir’s satires in the light of poetics and deals with principles of management system representation in satires. The main principle of this system is sidestepping of the law. The mechanism of sidestepping – bribes, servitude, flattery, etc. – is reflected in the mirror of satire in all detail. Cantemir’s scheme of the bureaucratic world turned out to be in demand in Russian literature. “Slander”, “red cloth”, “bribes” and many other elements from Cantemir’s fund were actively used in Russian satires and comedies in the 18th-20th centuries.

Keywords: A. Cantemir, satires; management system; sidestepping the the law; bribes

В 19-м веке Россия, по выражению В. Ключевского, «управлялась не аристократией, а бюрократией»¹. «Чины сделались страстью русского народа» – писал Пушкин². Как следствие, погоня за чинами сделалась любимой темой российских сатир и комедий. А.Д. Кантемир был одним из первых, кто отразил в зеркале сатиры весь процесс российского делопроизводства первой половины 19-го века, во всей его карикатурной сущности. Главный принцип системы делопроизводства в сатирах – действия в обход закона. Эта пародийная система живет по своим, перевернутым, законам, в ней своя иерархия, свой декорум. Как и любая система в поэтике Кантемира, она распадается на множество оппозиций и может быть проанализирована сквозь их призму.

¹ В.О. Ключевский, *Курс русской истории*, ч. III, Москва 1908, с. 7.

² А.С. Пушкин, *Записка о народном воспитании*, в: А.С. Пушкин, *Собр. соч.*, в 10 т., т. 7, Москва 1962, с. 356.

Для того, чтобы работала система делопроизводства, нужны две заинтересованных стороны. Очень приблизительно оппозицию участников процесса можно обозначить так: **«просящие» / «дающие»**.

Группа **«просящих»** очень велика. Они хотят либо получить что-то хорошее: чин, дворянство («прибавить несколько букв к имени»), возмещение убытков в виде денег, земель и т.д. – либо не получить чего-то плохого: например, наказания, которое может выразиться в убавлении их имущества или свободы. В эту группу входят все недовольные своим положением – то есть практически все изображенные в сатирах персонажи. В следующем пассаже представлены типичные притязания представителей разных сфер деятельности – и светской, и духовной:

«Нет правды в людях, – кричит безмозглый церковник, –
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает [с. 61].

«Дающие» формально должны действовать по закону, не требуя за выполнение служебных обязанностей никакой дополнительной платы. На деле они стремятся к прибавлению своих доходов. Так возникает еще одна оппозиция по принципу идеальности / реальности: **«Как должно быть / как есть»; порядок / нарушение**.

«Как должно быть», правильное положение дел показано наиболее схематично. Афористичное определение идеального судьи содержится в словах Филарета: «Суд судя, забыл ли ты страсти?» [с. 70]. Судья должен быть честен, неподкупен, сведущ в науках, должен знать наизусть все законы, для него в суде равны все – именно такой образ возникает в монологе Филарета во 2-й сатире:

За красным судить сукном Адамлевы чада
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа

Равны в суде, и одна правда превосходна;
Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг – дьяк или подьячий;
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасти и сирот покойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны права,
Из нашего высосал весь он сок устава...
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коиими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильный,
Завидим врагу и в нем злобу унять сильный [с. 75].

Но в этом определении заключено и множество скрытых антитез. Их главный маркер – «речиста денъга», которая «сильна одолеть» любого. Одна из главных имманентных оппозиций: **много** (людей, всех «адамлевых чад») / **одна** (правда превосходна). Справедливость должна быть одинакова для всех. Повтор прилагательного «красный» образует своего рода диафору: красное сукно – красный цвет неприятного лица. Красное сукно должно поглощать, нивелировать все остальные цвета. Как ни гнусна «красная рожа», но за красным сукном надо судить справедливо. «Знать и лист, и страницу» – эта конкретизация нужна для подчеркивания профессионализма судьи, для которого не существует мелочей при решении судебных людей. «Спасти вдовицу соперника» – яркий образ великодушия, которым должен обладать судья.

Как видим, уже в описании образцового представителя системы правосудия содержатся намеки на его абсолютную идеальность. В сатирах присутствуют столь же близкие к идеальным описания представителей других видов деятельности: военных, придворных, священнослужителей.

Как все обстоит на самом деле

Как мы уже отметили выше, система принятия любых важных решений описана в сатирах как система обхода законов. А для того, чтобы наилучшим образом обойти закон, существует целая наука, целый свод правил. Все они негласные – но их невыполнение рассматривается как нарушение декорума и влечет за собой провал дела.

Почему так происходит?

Высшие чины, которые должны «вершить дело», часто считают для себя зазорным знакомство с существом своей профессии. Через все сатиры проходит мотив необходимости профессиональных знаний только

для низших чинов; гражданские уставы, естественный закон, народные нравы попадают в разряд ненужных наук:

Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячим должно лезть на бумажны горы,
Хочешь ли судьёю стать — вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает... [с. 60].
А судьёе довольно знать крепить приговоры... [с. 61].

Недостойный судья, естественно, нарушает все заповеди судьи образцового. Он продажен:

...тебя как судья бежит осторожный
Просителя, у кого карман уж порожный... [с. 93].

Он часто спит во время слушания дела: «Спи на стуле, когда дьяк выписку читает...» [с. 60].

Многие представители юстиции, как и священнослужители невежественны до такой степени, что могут быть описаны при помощи просопопеи:

...невежество...
Судит за красным сукном... [с. 61].

Науку невежество местом уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит... [с. 61].

Знатный вельможа, как правило, не затрудняет себя внимательным рассмотрением просьб тех, кто ждет у него в передней:

Народ весь, зная того в государстве силу,
Поутру сквозь тесные передни насилиу
К нему кто-кто доступал; просьбы и поклоны
Как Йовиш с неба примал и кивком на оны
Одним весь ответ давал... [с. 61].

Знати не нужно знать никаких наук — этот тезис не раз иллюстрируется в сатирах. Знания, необходимые знати, лежат совсем в иной плоскости:

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень – мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика... [с. 61].

Итак, те, кто должны заниматься принятием решений, не участвуют в процессе. Законное решение дел оказывается невозможным – и в ход идет стратегия решения дел в обход закона. А кто же участвует? Кто помогает делам двигаться?

Те, кто находится на более низких ступенях иерархической лестницы – именно они в курсе малейших деталей любого дела, любой тяжбы. В этой группе выделяются несколько подгрупп:

1) *«Ябеда и ее друг – дьяк или подьячий»* [с. 75] – это глаза и уши важных чиновников:

Клементий, судья, собой взяться не умеет
Ни за что и без очков дьяка честь не смеет [с. 96].

В примечаниях Кантемир поясняет: *«Клементий, судья, столь глуп и к делам негож, что без дьяка своего ни за что приняться не умеет, и проч.»* [с. 106].

2) *Слуги знатных людей.*

Именно они решают, когда допустить просителя к важному лицу и допустить ли вообще:

Чрез толпу слуг, золотом облитых, удобен
К нему доступ и певцам, и сводникам гнусным,
И б....м, и всех страстей затеям искусным... [с. 91].

3) *Женщины*

Жены важных чиновников тоже могут быть полезны в продвижении дела:

А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине... [с. 137].

Все эти «помощники» могут ускорить дело, а могут замедлить, а то и вовсе заморозить. Как можно ускорить дело? Способы простые – взятки, подкупы, подарки:

Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,

Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен - свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не дрится [с. 75].

Взятки часто дают слугам («кланялись дворецкому с полными руками», с. 69), не смея дать взятку напрямую его хозяину:

И, с зарею встав, бежит с передни в передню,
Гня спину, прося, даря и слугу последнюю... [с. 134].

Старик сановитый из 5-й сатиры жалуется на приказные поборы. Отметим числовую симметрию: три получателя взяток – и три глагола. За каждое действие отдельная плата.

В лавку, сколько, знаешь ли, в подарках исходит
Судье, дьяку и писцу, кои пишут, правят
И крепят указы мне? [с. 127]

Стоит только начать давать взятки – сразу окажется много получателей, рангом всё ниже и ниже. И все замкнется на «слуге последней».

Дача взятки – это особое искусство, где важна любая мелочь: момент, настроение, счастливое/несчастливое стечение обстоятельств. Тут свой декорум. Важно, чтобы взятка была кстати – иначе все усилия напрасны. В 5-й сатире Сатир рассказывает, как купец, стремясь в новую знать, потерял все, что было нажито трудами предков:

В пирах, в дарах, и за пар потерял жаркое...[с. 125].

Здесь по принципу парегменона «дары» перекликаются со словом «даром». Даром растроченные богатства, дары не впрок – это очень типичная ситуация. В той же 5-й сатире старик сановитый жалуется на впустую растроченные деньги:

... Сколько ж даром испою Сеньке и Ивану,
Ходокам и их слугам, что и спят с стаканом?... [с. 128].

Ситуация с несвоевременно данными взятками настолько обычна, что создается особый, легко узнаваемый образ такого неудачника – именно с ним сравнивает Евгения во 2-й сатире Филарет:

Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод *раздарил некстати?* [с. 68].

В примечании Кантемир разъясняет: «Всем известно высококомыслие бывшего архиепископа Р***, который ничего так не жаждал, как быть главнейшим церкви российской, и для получения того чина много коней раздарил, которых он имел изрядный завод» [с. 77].

От просящего требуется умение выбрать верный темп. Вот описание дня человека, стремящегося путем подкупов и подарков добиться решения своих дел. Это пример кантемировского быстрого рассказа – перечисления. Ключевое слово здесь – «нужно». Рассказ построен на смене темпов: нужно то «тащиться-томиться», то «бежать» – и важно не перепутать:

С петухами пробудясь, нужно *потащиться*
Из дому в дом на поклон, в переднях *томиться*,
Утро все торча в ногах с холопы в беседе,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея. По обеде
Та же жизнь до вечера;
Пройдет, думая, к кому поутру пристойно
Еще *бежать*, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понести господину.
Нужно часто полыгать, небылицу верить
Большу, чем что скорлупой можно море смерить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родом
Моложе Владимира одним только годом,
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой;
Кривую жену его называть Венерой
И в шальных детях хвалить острогу природну;
Не зевать, когда он сам несет сумасбродну.
Нужно добродетелей звать того, другого,
От кого век не видал добра никакого,
И средь зимы провожать, сам без шапки, в сани,
Притворяясь не слышать за плечми слух брани.
Нужно еще одолеть и препятства многи,
Что зависть кладет на всяк час тебе под ноги, –
Все ж те труды наконец в надежде оставят,
Иль в удачу тебе чин маленький доставят... [с. 148].

Среди способов ускорить благоприятное решение – и лесть, похвалы, поклоны. Унижение перед самыми низкими – вплоть до самых гротескных форм:

Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам... [с. 75].

Но результатом всех стараний чаще всего может быть всего лишь «чин маленький».

Однако есть в сатирах сильный **волшебный помощник**, с чьей помощью дела продвигаются абсолютно в обход законов – и очень быстро. Это **Счастье**: «Иных свойств не требует, кому счастье дружно» [с. 75].

Счастье может вознести на самую высшую ступень – но также быстро сбросить вниз:

Редко счастье на своих крылах кого взводит
На высоко вдруг степень, и если бывает
Столько ласково к кому, долго в том ее знает*
Устоять, но в малый час копком его спихнет
Одним, что, стремглав летя, не один член свихнет;
А без помочи того труды бесконечны
Нужны и терпение, хоть плоды ж не вечны... [с. 148].

Так возникает новая оппозиция в методах решения дел в обход законов: **медленно, но верно при помощи своих трудов / быстро и неверно при помощи Счастья**.

В каких сферах действует механизм обхода закона? Ответ короткий и исчерпывающий: во всех – и в светской, и в духовной. Есть профессии, которые профессия предполагают автоматическое включение в число взяточников:

...столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье – жить скудно [с. 74].

Тех, **кто берет взятки**, можно условно разделить на **принимающих и вымогающих**.

К **вымогающим** в сатирах часто относятся служители церкви. Вымогательство, как правило, сопровождается обещаниями. Поп Варлам из 3-й сатиры, ханжа и лицемер, обещает за пожертвования легкую дорогу в рай:

Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет –
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;
Глаза в землю втупит; в угол свернувшись потом
Чуть слышать, что говорит; чуть – как ходит, ступит.
Бесперечь четки в руках, на всякое слово
Страшное имя Христа в устах тех готово.
Молебны петь и свечи класть склонен без меры,
Умильнодесятью в час выхваляет веру
Тех, кои церковную славу *расширили*
И великолепен храм божий учинили;

Души-де их подлинно будут наслаждаться
Вечных благ. Слово к чему, можешь догадаться:
О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем *жиреет* он, того похваляет,
Другое всяко не столь дело годно богу;
Тем одним легку сыскать можем *в рай дорогу* [с. 94].

Кто больше виноват? Вопрос абсолютно риторический. Безусловно, взяточники обрисованы так, что ничего, кроме смеха, не достойны. Но и «просящие-дающие» тоже вызывают мало сочувствия. В большинстве случаев ими движет зависть, желание любой ценой достичь «степеней известных», чтобы перейти в разряд «берущих». Унижаться – чтобы возвыситься и унижать других. Такова схема. Поэтому вопрос о жалости и сострадании к какой-то из групп находится за пределами художественного замысла автора; обе группы обрисованы абсолютно сатирически.

Вот Фока из 3-й сатиры:

Фока *утро все* торчит у знатных в передней,
И *гнет шею*, и дарит, и как бы последней
Слуг *низится* лишь затем, чтоб чрез свою службу
Неусыпную достать себе знатных дружбу
И *народ бы говорил*: вишь, как почитают
Господа Фоку, – шепчут с ним, с собой сажают.
Застроил огромный дом, который оставит
Детей его по миру; даром тот доставит
Ему имя тщивого при позднем потомстве.
С родословными писцы, с творцами в знакомстве,
Сыплет он их деньгами, чтоб те лишь писали
В славу его. Кто сочтет, во что ему стали
Тетради, что под его именем недавно
Изданы?... [с. 94].

Слово «журналист» появится позднее – но описание продажного пера, беспринципных авторов, готовых хвалить кого угодно за деньги, в сатирах налицо. Итак, мы бросили беглый взгляд на систему делопроизводства в сатирах и увидели, что это действительно система, возможная при наличии двух взаимозаинтересованных сторон: дающих и берущих. Обе стороны действуют по строгим (хотя и негласным) правилам и существовать друг без друга не могут. Получается, что модальность «как должно быть» отошла в фонд памяти и риторического примера, которому мало кто подражает:

Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело [с. 69].

А ситуация, обрисованная в сатирах, – это пародия, карикатура на высокий образец. И дана эта пародийная картина в таких деталях, что по сути, представляет собой раздел «делопроизводство» из кантемировского универсального фонда готового слова. Явления, описанные в сатирах, станут играть ключевую роль в обществе позднее, а Кантемир загодя оставил своим последователям принципы их сатирического изображения; дал подробный каталог топики и приемов для описания российского чиновничьего и приказного мира. Русская литература сразу начала пользоваться этим пособием. Редкая сатира или комедия обойдется без взяточника-судьи или хамоватого лакея, выпрашивающего вознаграждение за доступ в приемную барина, без дьяка или подъячего. «Красное сукно» перейдет с уровня RES на уровень VERBA, станет синекдохой судебной топики. «Ябеда» даст название программной комедии. Как справедливо заметил М.Ю. Осокин: «Кантемир прикончился до всего: после него любой сатирик, к какому бы пороку он не обратился, будет вторым»³. Присутствие Кантемира в русской комедии и сатире столь же несомненно – сколь не отрефлектировано и не осознано. Но это уже тема для другого разговора.

ЛИТЕРАТУРА:

Ключевский В.О., *Курс русской истории*, ч. III, Москва 1908.

Осокин М.Ю., *Лекции II – III. Реньеризм (Антиох Кантемир)*, в: *Лекции по русской литературе XVIII века, прочитанные в осеннем семестре 2008*.

Пушкин А.С., *Записка о народном воспитании*, в: А.С. Пушкин, *Собр. соч в 10 т.*, т. 7, Москва 1962.

³ М.Ю. Осокин, *Лекции II–III. Реньеризм (Антиох Кантемир)*, в: *Лекции по русской литературе XVIII века, прочитанные в осеннем семестре 2008 г.*, с. 12.